

А. А. ПАЛАМАРЧУК

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ, КОРОЛЕВСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ РЫЦАРСКИЙ СУД И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

В статье рассматривается влияние правовых идей, развиваемых английскими цивилистами, на процесс реставрации в раннестюартовской Англии Рыцарского суда. Продолжительная дискуссия о дуэли демонстрировала не только то, как менялись акценты в традиционных представлениях о чести и служении знатной персоны, но и то, какие механизмы представлялись адекватными для регулирования конфликтов. Восстановление Суда чести акцентировало внимание на патриархальных и феодальных аспектах монархической власти. В результате монарх получил возможность явить себя в качестве творца и главы корпорации знати, гаранта корпоративной чести и границ знатного сообщества, блюстителя нормативных практик английской nobilitas.

Ключевые слова: *Рыцарский суд, дуэль, диффамация, цивилисты, гражданское право, раннестюартовская Англия.*

Одной из задач, стоявших перед первыми Стюартами на английском престоле, был поиск династией таких инструментов для решения ряда актуальных проблем, которые воспринимались и были бы по сути глубоко традиционными и опирающимися на хорошо известные модели и факты. Приверженность стюартовской монархии архаичным, восходящим к классическому Средневековью представлениям о способах реализации королевской власти вполне отвечала существующим в обществе запросам. В этой связи история активизации Рыцарского суда в первой половине XVII в. является наглядной иллюстрацией того, как профессиональная корпорация английских цивилистов стала посредником в трансформации и адаптации ряда укорененных в общественном сознании правовых идей к современным условиям. В процессе поиска путей воссоздания Рыцарского суда английский король получил возможность явить себя в качестве творца и главы корпорации знати, а также как гарант корпоративной чести и границ знатного сообщества, блюститель нормативных практик английской nobilitas.

Использование Яковом и впоследствии Карлом Стюартом артурианской мифологии в пропаганде и придворной культуре не было обойдено вниманием в современных стюартоведческих исследованиях; «институциональный» аспект внедрения рыцарской идеи, поиск путей регулирования «рыцарского» поведения, реализованный через

восстановление Рыцарского суда, можно также рассматривать как составляющую построения раннестюартовской «мифологии власти».

«Королевский проект» реорганизации и деятельности Рыцарского суда при Стюартах, который на первый взгляд может показаться не слишком значительным эпизодом в социально-политической истории Англии начала XVII века, одновременно являет собой часть масштабного и затяжного корпоративного конфликта между Общиной докторов и судебными иннами, между институтами гражданского и общего права, а также конфликт политико-правовых идей, сформированных обеими корпорациями. Непростая история разработки проектов реанимирования традиционного средневекового суда показала, что идеи цивилистов в полной мере способствовали тому, чтобы реформируемые институты принимали, в конечном итоге, ту форму и объем постулируемого «возвращения к традиции», которую определяла верховная власть.

Начало XVII века в Англии стало временем публикации многочисленных трактатов, посвященных знати и знатности, истории и структуре знатного сообщества как такового. Как на Британских островах, так и на континенте подобного рода литература отражала ряд тенденций и целей, свойственных периодам династического строительства. Прежде всего, речь шла о своего рода социально-политическом моделировании: предлагавшиеся читателям труды содержали такие схемы построения «политического тела», в которых иерархия знатных титулов и достоинств оказывалась замкнутой на короля – единственный источник титулов, должностей и всех возможных материальных и нематериальных благ. Кроме того, трактаты, посвященные знати и знатности, были призваны определить внешние и внутренние границы *nobilitas*, а точнее – используя восходящие к классическому Средневековью термины и риторические фигуры, уточнить или скорректировать статус тех или иных категорий внутри знатного сообщества, переопределить престижность тех или иных должностей или видов служения. В частности, это касалось границы между титулованной и нетитулованной знатью, границ между различными категориями рыцарства, но особенно обширные и яркие рассуждения касались определения нижней границы знатного сообщества, формулировки критериев, отделявших «политический класс» от всех прочих подданных короля. В этой связи объектом постоянного внимания раннестюартовских теоретиков были понятия «знатность» (*nobility*) и «родовитость» (*gentility*); при наличии определенной вариативности оценок общим местом оказывалась постулируемая невозможность достичь полноценной знатности без родовитости. Последняя же должна была гарантироваться наличием как минимум трех поко-

лений предков, чей знатный статус можно было подтвердить, законорожденностью, наличием родового герба и «джентльменским» стилем жизни, который предполагал, прежде всего, отсутствие необходимости жить трудом рук своих. Среди многочисленных авторов построений на тему знатности следует упомянуть, прежде всего, авторов антикварной школы – Джона Сэлдена¹, Уильяма Сегара², Томаса Миллза³, Мэтью Картера⁴, Джона Гвиллима⁵, Фрэнсиса Маркэма⁶ и др. Трактаты о знатности были ориентированы на разные круги внутри читающей аудитории: в то время как обширные антикварные трактаты, издаваемые in folio, предназначались для интеллектуальной элиты, богато иллюстрированные геральдические трактаты – для придворной знати, сокращенные версии, публиковавшиеся с дешевыми гравюрами in octavo попадали в руки небогатых джентльменов, провинциального дворянства, и зачастую использовались для обучения юношей. Бесспорно, стремление поддерживать незапятнанной честь свою и своей семьи всегда числилось среди приоритетов поведения знатного человека; однако раннестюартовские трактаты отчетливо проводили мысль о том, что поддержание «честь» – вопрос не только личный, но и социально значимый; необходимое самоограничение знатного сообщества, изгнание из него тех персонажей, которые претендовали на знатный статус не по праву, становилось в репрезентации теоретиков способом поддержания должного порядка организации власти и ее распределения в королевстве.

В этой связи раннестюартовские теоретики были склонны определять дуэль – традиционный способ защиты поруганной чести – как «восстановление справедливости», практически как судебный поединок, призванный наказать неправых и выявить истину. «Поединок – это схватка одного мужчины с другим во имя правды»⁷, – такое определение дуэли дал королевский герольд Подвязка Уильям Сегар. Сегар и Джон Сэлден в своих трактатах подчеркивали, что поединки между знатными персонами любого ранга должны быть публичными, и осуждали практику тайных дуэлей, тем самым подчеркивая общественный характер восстанавливаемой «честь».

¹ Selden 1614; 1610.

² Segar 1590.

³ Milles 1608.

⁴ Carter 1673.

⁵ Guillim 1611.

⁶ Markham 1625. Подробно о социальных и историко-правовых концепциях британских антиквариетов см.: Паламарчук, Федоров 2013.

⁷ Segar 1590. P. 1.

К началу правления Якова число дуэлей, постепенно увеличивавшееся в последние елизаветинские годы, достигло максимума – по подсчетам Л. Стоуна, в 1610 г. источники зафиксировали 31 поединок⁸, преимущественно между представителями титулованной знати.

Впрочем, отнюдь не все английское общество единодушно поддерживало дуэльные практики: поединки осуждались с церковной кафедры, а антидуэльная литература была представлена не меньшим числом авторов, чем лагерь защитников поединков чести⁹. К числу критиков дуэли относился и сам король Яков. Как известно, Яков I во всех сферах позиционировал себя в качестве монарха-мироотворца, отождествляя себя не с воителем Давидом, а с его миролюбивым сыном – законодателем Соломоном. В своих сочинениях, как и в реальности, король касался вопросов войны и применения насилия во внутренних делах лишь при необходимости и без большого энтузиазма. Так, в «Царском даре» – наставлении, адресованном наследнику престола принцу Генри, есть лишь несколько фрагментов, в которых Яков рассуждает о том, в каких ситуациях монарху следует прибегнуть к насилию: прежде всего, применение силы со стороны правителя неизбежно и законно для усмирения мятежей и наказания изменников, сама же измена отнесена Яковым к числу «непростительных проступков».

Далее, со всей очевидностью ссылаясь на шотландские реалии, он рассуждает о долге короля поддерживать мир среди знати королевства: для этого он называет ряд мирных способов, но прагматически замечает, что могущественные представители знати в его королевстве склонны нарушать законы морали и разума. Яков пишет: «И хотя злодеяние притеснения не относится к числу непростительных, тот факт, что в этом народе оно практикуется слишком часто, требует от короля быть строгим цензором притеснителей... Старайся же склонить рог гордыни самонадеянных притеснителей»¹⁰. Затем король указывает сыну, что защита страны – долг государя (второй по значимости; первый же его долг состоит в поддержании христианского порядка и правильного вероисповедания). «Не буду наставлять тебя здесь относительно способов ведения войны, поскольку об этом предмете пространно пишут многие, а учиться лучше на практике, чем на рассуждениях. Дам тебе лишь несколько советов. Сделай справедливость своим оружием... Никогда не

⁸ Stone 1965. P. 245.

⁹ Подробно об антидуэльной литературе и о поединках первых лет стюартовского правления см. Peltonen 2003. P. 80-131.

¹⁰ The Political Works of James I. Vol. 1. 1918. P. 21.

позволяй, чтобы твой спор решался посредством поединка (duel); ведь помимо того, что любой поединок представляется незаконным – исход его решает жребий, чему нет предписаний в Священном Писании с того момента, как был упразднен Ветхий Завет; особо же поединок незаконен тогда, когда в нем участвует король. Он, будучи публичной персоной, не располагает собой, поскольку с его здоровьем или падением с необходимостью сопряжены безопасность или крушение всего государства, так как тело сопряжено со своею главою»¹¹.

Разумное само по себе соображение Якова о том, что споры с собственными подданными монарху следует решать более безопасными средствами, нежели дуэль, обретает дальнейшее развитие: «Однако для хорошего правителя недостаточно править с помощью скипетра добрых дел и оберегать свой народ с помощью оружия, если он не присоединит к ним собственную добродетельную жизнь, жизнь своего двора и своего окружения, благим примером побуждая своих подданных любить добродетель и ненавидеть грех»¹². Таким образом, поведение короля должно было служить моделью для поведения знати, а поведение знати (включая монарха и его двор) – моделью поведения всего общества в целом.

В первые годы яковитского правления цивилисты оставались в стороне от бурного обсуждения вопросов дуэли и определений дворянской знатности. Тем не менее, нельзя обойти вниманием мнение Альберико Джентили, который, хотя и не касается темы дуэли как таковой, высказывает ряд примечательных идей. В начальных главах трактата «Три книги о праве войны» Джентили использует термин *duellum* в качестве синонима к слову «война», подчеркивая, что война может носить только публичный, а не частный характер¹³. Кроме того, война – *duellum* может возникать лишь между равными, например, между римлянами и варварами, которые не являются подданными Рима, но обладают равным с ними статусом и правами. Сам термин *hostis* обозначает, согласно Джентили, персону, по статусу равную своему противнику¹⁴. Подобное видение войны-поединка (зарезервированного для равных друг другу по статусу монархов и князей) было противоположно представлению о справедливой войне как восстановлению порядка. Последняя концепция восходила к философии Фомы Аквинского, а среди со-

¹¹ Ibid., p. 28-29.

¹² Ibid., p. 29.

¹³ Alberici Gentilis 1877. P. 11.

¹⁴ Ibid., p. 13.

временников Джентили ее наиболее последовательным протагонистом был Франсиско де Витория и другие испанские неосхоласты.

В 1613 г. неподалеку от Антверпена в местечке Берген-оп-Зум состоялся самый известный из яковитских поединков – дуэль между Эдвардом Саквиллом, братом графа Дорсета, и лордом Брюсом из Кинлосса, вторым лордом Кинлосс, за честь Венеции Стенли, третьей дочери сэра Эдварда Стенли из Тон Касл и впоследствии супруги сэра Кенелма Дигби. Саквилл и Брюс, прежде бывшие друзьями, несмотря на попытки короля примирить их, после длительной подготовки и обмена письмами, которые позднее широко циркулировали в обществе, покинули Англию, дабы решить дело поединком. Дуэль состоялась согласно всем правилам и требованиям чести; в результате Кинлосс был убит, а Саквилл, несмотря на тяжелые раны, выжил. Дуэль вызвала среди англичан самые неоднозначные оценки. В то время как одни восхищались достойным поведением Саквилла, другие упрекали Кинлосса и заодно всех шотландцев в том, что своим варварским поведением они привносят вражду в гармоничный порядок английской знати. Король Яков отреагировал на происходящее крайне отрицательно: дальнейшее увеличение числа дуэлей могло привести как к нагнетанию вражды между его английскими и шотландскими подданными, так и спровоцировать мятеж. В октябре 1613 года король издал «Прокламацию о запрете публиковать любые сообщения или рассуждения о дуэлях»¹⁵, а в феврале следующего, 1614 года – «Прокламацию против частных поединков и схваток»¹⁶, образцом для которой послужил аналогичный документ изданный во Франции в 1609 г. Автором текста прокламации о запрещении дуэлей был Генри Говард, граф Нортгемптон, в молодости изучавший гражданское право в Кембридже и впоследствии преподававший там¹⁷. Нортгемптон, небезосновательно претендовавший на роль эксперта в истории и теории дуэли¹⁸, а также Френсис Бэкон, предлагали королю законодательный

¹⁵ A Proclamation prohibiting the publishing of any reports or writings on duels // Stuart Royal Proclamations. Vol. 1. P. 295-297.

¹⁶ A Proclamation against private challenges and combats // // Stuart Royal Proclamations. Vol. 1. P. 303.

¹⁷ Генри Говард получил магистерскую степень в Кембридже, в 1564 г. стал членом Тринити Холла и читал лекции по риторике и гражданскому праву.

¹⁸ Практически одновременно с изданием второй антидуэльной прокламации Якова Нортгемптон опубликовал антидуэльный трактат – диалог, в котором не только доказывал незаконность поединков во всех имеющихся правовых традициях, но и открыто предлагал обращение соперничающих сторон в суд Графа Маршала: «Это вопиющее зло лишь суд чести (в котором Граф Маршал занимает подобаю-

путь решения проблемы поединков. По мнению Нортгемптона, занимавшего должность графа-маршала, подобающим местом для мирного разрешения споров между благородными соперниками, а также для наказания тех, кто провоцировал конфликты, должен был стать находившийся в его ведении суд графа-маршала, или Рыцарский суд. Кроме того, судебное разбирательство должно было начинаться не после того, как схватка уже состоялась, но уже после произнесения первых оскорбительных слов, которые неизбежно привели бы к дуэли.

Выбор Нортгемптона был логичен и предсказуем. Передача «дуэльных» дел в суд графа-маршала активизировала бы деятельность института, традиционно ведавшего военной сферой, а следовательно – рыцарством; его юрисдикция над дополнительной категорией дел была бы бесспорной. С момента своего назначения на должность графа-маршала – одновременно главы коллегии герольдов – Нортгемптон вынашивал план расширения деятельности этого трибунала, в котором места судей традиционно занимали цивилисты. Кроме того, сама история суда графа-маршала должна была напоминать, что несмотря на мирное правление британского Соломона неотъемлемой прерогативной юстиции английского монарха было поддержание порядка среди его подданных – рыцарей.

Суд графа-маршала, или Рыцарский суд (номенклатура данного суда не была устоявшейся и вплоть до XVII в. неоднократно менялась: его именовали «судом констебля и маршала», «судом чести», «*curia militaris*»). Начальный этап развития Рыцарского суда остается дискуссионной темой из-за крайней скудости источников. Существует историографическая традиция, возводящая истоки Рыцарского суда к правлению Вильгельма Завоевателя и даже Эдуарда Исповедника: она основана на том факте, что в 1467 г. в патенте на должность лорда констебля, выданного Ричарду Вудвилу, графу Риверсу, королем Эдуардом IV в 1467 г. говорилось, что его полномочия таковы, какими были со времен Завоевания¹⁹. Другая точка зрения принадлежит Л. Вернону

щую должность) может исцелить лучше, нежели любые карательные законы, которые ни во что не ставятся теми, для кого и страх смерти – ничто». Любопытно, что, приводя примеры «достойных» поединков – битва Давида и Голиафа, Горациев и Куриациев, короля Эдмунда и короля Кнута, он, как и Джентили, указывает на то, что «справедливый поединок» – это решение не частного спора, а защита интересов всей общины. (*Duello Foiled, or the whole proceedings in the orderly disposing of a Design for single Fight between two valiant gentlemen // Hearne. 1775. P. 223-242.* (В издании Херна трактат Нортгемптона ошибочно приписан Эдварду Коку).

¹⁹ Squibb 1959. P. 10.

Харкуру, связывавшему возникновение «военной курии», предшественницы рыцарского суда, с царствованием Эдуарда I Плантагенета и его войнами на шотландской границе²⁰. Наконец, последнюю полемическую ситуацию образуют мнения Д. Сквибба и М. Кина²¹ относительно первоначальной юрисдикции трибунала. Кину представляется спорным утверждение Сквибба о том, что суд Констебля и Маршала обладал исключительной юрисдикцией в делах, которые рассматривались согласно *jus armorum* (спорные ситуации с выкупом пленных, споры о правомочности ношения герба), а также подвергает сомнению предложенный Сквиббом тезис о том, что юрисдикция суда Констебля и Маршала отличалась от той, которая принадлежала командующим полевой армией и основывалась на соответствующих ордонансах, издаваемых для каждой из них. Сквибб считал, что доминировавшее в XVII в. мнение о единстве полевых судов и суда констебля и маршала возникло из-за того, что судьи, возглавлявшие разбирательства в действующей армии, часто именовались констеблем и маршалом (как следует из Даремских ордонансов Ричарда II²² в 1385 г. и ордонансов Генриха V²³ в 1419 г.). Он также допускал, что эти «констебль и маршал» действительно были Констеблем и Маршалом Англии, но, так или иначе, настаивал на существовании двух разных по своей сути юрисдикций. Сквибб утверждал, что юрисдикция Рыцарского суда как постоянной части английской административно-правовой системы возникла благодаря делегированию королем-в-совете части своих прерогативных полномочий Констеблю и Маршалу королевства на постоянной основе, в то время как юрисдикция полевых судов ограничивалась рамками одной военной кампании и касалась, прежде всего, дисциплинарных вопросов.

Морис Кин, для которого центральной темой исследования является история рыцарства и военного дела, а не правовая история, подчеркивает, что и вопросы военной дисциплины, верности и измены, и процесс выкупа пленников, и регулирование прав на гербы – опознавательные знаки средневековых сражений невозможно было разделить на две самостоятельные юрисдикционные сферы, а издаваемые военные ордонансы не освещали весь спектр спорных ситуаций, которые рассматривала *curia militaris* (этот латинский термин мог обозначать как полевой военный суд, так и собственно суд Констебля и Марша-

²⁰ Vernon-Harcourt 1907. P. 362-369.

²¹ Keen 1996. P. 135-138.

²² Ordinances of War. Temp. Ric. II // Monumenta Juridica. Vol 1. P. 453-460.

²³ Ordinances of War. Temp. Hen. V // Monumenta Juridica. Vol 1. P. 459-463.

ла). По мнению Кина, различие между судом Констебля и Маршала и полевыми судами заключалось лишь в том, что юрисдикция первого была постоянной, а вторых – временной.

В развитии Рыцарского суда можно провести отчетливые параллели с развитием другой гражданской монополии – суда Адмиралтейства: на их становление повлиял конфликт с Францией, оба института были призваны регулировать спорные ситуации с участием иностранцев или разворачивавшиеся вне пределов Англии; соответственно, в обоих судах не было применено английское общее право. События Столетней войны и сопровождавшееся военными действиями противостояние Йорков и Ланкастеров привели к значительному расширению юрисдикции должностей констебля и маршала Англии. В царствование Ричарда II к консультациям активно привлекаются доктора-цивилисты, а процесс ведется согласно нормам гражданского права. В период правления Ричарда II в практику рыцарского суда входит и окончательно закрепляется судебный поединок, к которому охотно прибегали представители знати для решения собственных споров. Порядок проведения судебных заседаний и поединка подробно описан в тексте, написанном констеблем королевства Томасом, герцогом Глостером (или по его приказу) и имеющем заголовок «Порядок проведения поединка в Рыцарском суде»²⁴. «Сперва суть спора и билли истца и ответчика должны быть рассмотрены в суде констебля и маршала, и, если не смогут доказать свою правоту с помощью свидетелей или как-либо иначе, но только с помощью силы, то констебль имеет право назначить поединок». Подобные поединки обставлялись со всей пышностью и более походили на турниры, чем на судебные разбирательства; еще более привлекательными для знати их делало то, что сражения проводились за счет королевской казны.

Юрисдикция Рыцарского суда охватывала и политически значимые моменты. Статутами 1388 и 1397 г. парламент позволил рассматривать обвинения в измене перед судом лордов – то есть в суде равных, а Генрих IV на первом же году своего царствования запретил рассмотрение подобных дел парламентом. Впоследствии Генрих IV без колебаний использовал Рыцарский суд для уничтожения своих политических конкурентов (именно этот суд приговорил к смерти в 1399 г. Уильяма Скруппа, графа Уилтшира, а в 1405 г. суд под председательством констебля и маршала *pro hac vice* вынес смертный приго-

²⁴ The Order of Battle in the Court of Chivalry // *Monumenta Juridica*. Vol 1. P. 300-330.

вор епископу Йоркскому и Томасу Моубрею), а еще охотнее прибегали к помощи этого трибунала Эдуард IV и его констебль Джон Типтофт, граф Вустер. В 1483 г., по мнению Вернон-Харкура, именно Рыцарский суд приговорил к казни Генриха, герцога Бэкингема²⁵. После воцарения Тюдоров приговоры пэрам рыцарский суд вынес в 1497 и 1499 г. после восстания в Корнуолле.

Прекращение усобицы и отсутствие внешних войн существенно ограничивало широкую юрисдикцию суда констебля и маршала в том виде, в котором она предусматривалась ордонансами Ричарда II. Кроме того, судьи общего права по возможности пытались ограничивать прерогативное правосудие Рыцарского суда (так, Литтлтон настаивал на том, что процессы по обвинению пэров в фелонии и измене должны вестись в парламенте с подготовкой предварительного обвинительного заключения). С воцарением Тюдоров деятельность Рыцарского суда как *curia militaris* сходит на нет, и вплоть до елизаветинского правления в нем рассматриваются считанные тяжбы, касавшиеся, в основном, наследования родовых гербов. В 1590–1600 гг. в нем слушалось несколько скандальных внутренних дел, касавшихся коллегии герольдов и требовавших вмешательства ее формальной главы, а именно Графа Маршала.

Нельзя с какой-либо степенью уверенности предположить, принимал ли в расчет в конце 1613 г. граф-маршал Нортгемптон описанные выше юрисдикционные трансформации рыцарского суда при составлении своего проекта. В любом случае было понятно, что активизация деятельности этого института представлялась предприятием гораздо более серьезным, нежели очередное придворное обращение к рыцарской «мифологии». Возможно, именно широкие политические возможности, которые открыла бы перед монархом целенаправленная реконструкция этого суда, и остановили Якова. Смерть Нортгемптона в 1614 г. также не способствовала началу реформы, а король предоставил право наказывать виновных в проведении поединков в Звездной палате.

Новая, и гораздо более удачная попытка восстановления Рыцарского суда была связана уже не с дуэлями, а спровоцирована очередным витком внутреннего конфликта в коллегии герольдов. В последние годы елизаветинского и в начале яковитского правления коллегия, которую возглавляли такие видные личности, как Уильям Кемден и Уильям Сегар, была активно действующей корпорацией, а герольды, помимо своих прямых обязанностей, внесли яркий вклад в развитие

²⁵ Vernon-Harcourt 1907. P. 397.

английского историописания. Тем не менее, с момента назначения Кемденом, которого многие герольды справедливо сочли ставленником королевы, в коллегии не утихали ссоры, разжигаемые герольдом Йорк Ральфом Бруком. Первоначально мишенью Брука был Кемден: дважды герольд Йорк публиковал трактаты, в которых критиковал ошибки, допущенные королевским герольдом Подвязкой. Первый из этих трактатов подверг жестокой критике ученик Кемдена Джон Сэлден, а второй Брук решил представить на суд монарха. Кроме того, Брук имел репутацию весьма агрессивного человека и дважды подвергался аресту, причем в первый раз – за неподобающее поведение по отношению к Уильяму Сегару, Подвязке²⁶. В октябре 1621 года после очередной жалобы на поведение Брука герольды поставили вопрос об исключении его из коллегии, и решить дело надлежало графу-маршалу Томасу Говарду, графу Эрранделу и Сарри, обладавшему необходимой юрисдикцией по отношению к членам корпорации. Разумеется, Брук не был готов сдаться без боя, поэтому публично поставил под сомнение правомочность суда под единоличным председательством графа-маршала в отсутствие лорда-констебля. Эррандел доложил о происходящем Якову, и тот поручил графу-маршалу, после соответствующих исторических изысканий, восстановить юрисдикцию и деятельность Рыцарского суда во всей их полноте.

К 1623 году графу-маршалу удалось провести всю необходимую подготовку для возобновления заседаний Рыцарского суда. Работу по разработке судебной процедуры на основе гражданского права²⁷ проводил доктор Артур Дак, назначенный королевским адвокатом трибунала, один из самых ярких цивилистов своего поколения, впоследствии, уже при Карле I Стюарте, ставший едва ли не выразителем официальной правовой позиции короны.

Если относительно рефлексии Нортгемптона о средневековой истории Рыцарского суда можно испытывать резонные сомнения, то Артур Дак не просто был осведомлен о прошлом суда: он имел вполне определенную концепцию этого прошлого. В трактате «*De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum*»²⁸ средневековому суду констебля и маршала посвящен обширный исторический очерк. Его идею можно резюмировать следующим образом: главная привилегия и обязанность знати – служение монарху (изначально – воинское); суд констебля и

²⁶ О биографии Брука см.: Noble 1805. P. 242-245.

²⁷ Squibb 1959. P. 47-50.

²⁸ Duck 1654; 1689. P. 342-352.

маршала, сформировавшийся как *curia militaris*, была и остается тем институтом, который по преимуществу призван регулировать отношения служения. Кроме того, с точки зрения Дака, знать составляет особую категорию подданных монарха, и общее право, ориентированное на рассмотрение споров о собственности, не всегда способно адекватно учитывать подобную специфику. Поэтому именно цивилистам – соратникам монарха – принадлежит главная роль в становлении Рыцарского суда и реализации его миссии.

Реформированный суд, возглавляемый Эранделом, был очевидным образом переориентирован по сравнению с проектом Нортгемптона: вместо рассмотрения дел о дуэлях (дисциплинарных материй, способных демонстрировать преемственность со средневековой *curia militaris*), граф-маршал предполагал, что более востребованной функцией трибунала станет регулирование прав на обладание знатными достоинствами и соответствующими гербами. Учреждение Яковом достоинства баронета в 1621 г. и описанная выше тенденция к замыканию нижней границы знати потенциально увеличивали количество злоупотреблений и мошенничеств как со стороны недобросовестных претендентов, так и со стороны самих герольдов. Первое же дело, слушанием которого открылся обновленный рыцарский суд – Лик против Харриса – относилось именно к разряду споров о законности обладания знатным статусом²⁹. Кроме того, суд переориентировался и в социальном плане: споры о правах на знатность касались особ не титулованных и родовитых, обретавшихся при дворе и не нуждавшихся в подтверждении своего статуса, но возникали между представителями низших, нетитулованных групп дворянства. Нужно заметить, что и в этом случае четко прослеживалась преемственность с изначальной средневековой юрисдикцией суда констебля и маршала. Залогом решения спорных ситуаций, возникавших в настоящий период для Эрандела и Якова было апеллирование к традиционным, архаичным

²⁹ Суть тяжбы заключалась в следующем. Томас Лик, эсквайр из Шропшира, обвинил сэра Томаса Харриса в том, что последний не имел прав на баронетское достоинство, которое было куплено им в 1622 г., поскольку дед Харриса в ходе геральдической визитации 1584 года не был признан джентльменом. Такое положение дел противоречило известному принципу, согласно которому джентльменом считался тот, чьи предки были джентльменами на протяжении трех поколений. Харрис немедленно попытался получить запрещение и перенести слушание своего дела в суд общего права, но безуспешно. В итоге Харрис был признан виновным. Впрочем, приговор никак не повлиял на положение его семейства, поскольку король отказался отменять факт пожалования баронетского достоинства, подтвержденный Большой королевской печатью. См. Cust 2013. P. 38-39.

институтам и формам реализации королевской власти. Именно укорененность в традиции «древней конституции» должна была стать основанием для неприкосновенности восстановленного Рыцарского суда со стороны тех, кто желал бы «оспорить его юрисдикцию»³⁰. Для общества цивилистов привлечение к работе Рыцарского суда стало очередным шагом в закреплении за собой престижных и знаковых функций в административно-судебной системе королевства.

Однако устремления Эрандела встретили закономерное противодействие как в лице парламентской партии, выражавшей интересы вестминстерских судей и лично Эдварда Кока, так и в лице самого серьезного на то время противника – герцога Бекингема. Смерть Якова I положила конец начавшейся было активности суда – уже во второй раз, хотя и не приостановила полностью его работу.

Настоящий расцвет Рыцарского суда и связанный с ним масштабный успех корпорации ищущих и лично графа-маршала Эрандела приходится на царствование Карла I. Импульсом для очередного возобновления его активности вновь стал спор между Доналдом Макеем, лордом Ри, и грумом королевской спальни Дэвидом Рэмзи. Ри обвинил Рэмзи в заговоре против короны, который последний якобы замыслил, находясь в составе посольства в Швеции. Поскольку никаких доказательств Ри представить не мог, стороны направили в рыцарский суд прошения о том, чтобы спор был разрешен традиционным образом, то есть поединком. Поначалу Карл I был решительно настроен довести дело до реальной схватки: чтобы соблюсти все возможные требования законности, председательствовать на суде помимо графа-маршала Эрандела должен был назначенный на должность на время разбирательства лорд-констебль граф Линдси. После длительных консультаций с судьями было назначено время и место поединка, но в последний момент, весной 1632 г., поскольку настроения общества разделились относительно возможного смертельного исхода дуэли, решил отменить его.

Несмотря на то, что дело Ри против Рэмзи так и не было доведено до логического конца, оно открыло качественно новый период в работе Рыцарского суда. По существу, обвинение Рэмзи в организации заговора было смехотворным, но, тем не менее, наносило болезненный удар по его чести. Обращение к королевскому правосудию – реализовывалось ли оно путем поединка или мирного судебного разбирательства – демонстрировало, что прерогативная монаршья юстиция не

³⁰ Речь графа-маршала Эрандела на открытии сессии Рыцарского суда 14 ноября 1623 г. Цит. по: Squibb 1959. P. 48-49.

только восстанавливала «справедливость», то есть должный порядок, но и служила гарантией сохранения за человеком его доброй репутации и честного имени. После дела Ри против Рэмзи на рассмотрение в рыцарский суд хлынул поток исков со стороны тех, кто желал очистить свое доброе имя от несправедливых обвинений.

Как верно замечает Р. Каст, в период каролинского правления рыцарский суд действительно стал эффективно действующим и востребованным трибуналом, но не вполне таким образом, как изначально предполагали Яков I, Карл I и их теоретики. По мысли монархов, Рыцарский суд должен был стать судом последней инстанции, ориентированным на нужды высшей титулованной знати и предотвращающим дуэли между знатными особами, то есть его юрисдикция должна была приобрести, скорее, дисциплинарный характер. На деле же оказалось, что 90% дел, слушавшихся судом с 1632 г., касались диффамации – «клеветы» или «оскорблений» (*slanderous words*)³¹, а истцами в 97 % случаев выступали представители нетитулованного дворянства – джентльмены, эсквайры и рыцари³². Суть же «клеветнических» или «оскорбительных» речей во многих случаях сводилась к тому, что сомнению подвергался знатный статус оскорбленного или чистота его происхождения; причем речь могла идти как об оскорблении намеренном, так и об обычной площадной перепалке. Намерение отстаивать свою честь в суде диктовалось не столько перспективой материальной компенсации, сколько желанием подтвердить собственный знатный статус, открывающий перспективы продвижения вверх по профессиональной или социальной лестнице. Налагаемые судом взыскания были сравнительно невелики и не превышали сорока фунтов, что не могло поправить материальное положение истца, но все же, по сравнению с приговорами церковных судов, были материализацией свершившейся справедливости. Материальная компенсация нередко сопровождалась

³¹ Какие обвинения выдвигали друг против друга джентльмены? Рыцарский суд рассматривал обвинения в банкротстве, попрошайничестве, распущении сплетен, трусости, незаконнорожденности, безумии, убийстве, лжесвидетельстве, заговоре, вызове на дуэль, оскорблении в присутствии других джентльменов, богохульстве, ругани, пьянстве, незаконном приписывании себе благородного происхождения, нанесении пощечин, разврате, оскорблении женщины, давании кличек, исполнении дурной музыки, приверженности католицизму, приверженности сектантам, подсиживании вышестоящих персон, незаконном ношении герба, незаконном возведении надгробий, незаконном использовании ливрей и т.д. Подробно см.: *Cases in the Court of Chivalry, 1634–1640...*; *Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732...*

³² *Cust* 2013. P. 150-151.

и публичным наказанием (в случаях, если оскорбивший был простолюдином) – выставлением у позорного столба и т.п.

Привлечение цивилистов в качестве судей Рыцарского суда в данной ситуации оказалось более чем оправданным, поскольку правовая традиция гражданского права позволяла судьям быстро адаптироваться к рассмотрению диффамационных дел. Доктрина диффамации, с одной стороны, возводила свои истоки к римскому праву классического периода и развивалась в английском праве цивилистами, практиковавшими на протяжении средневековья в церковных судах.

В классическом римском праве существовало достаточно четкое и развернутое определение понятия *injuria* – правонарушение; «оскорбление» (*contumelia*) полагалось частным случаем *injuria*. Аналогично тому, как имуществу мог быть причинен физический ущерб, достоинству и репутации римского гражданина также мог быть нанесен ущерб словами или действиями (такими, как осмеяние человека, его жены, предков или потомков, надругательство над телом предка, удары или избиение, разгром дома и т.д.)³³. Впоследствии римская норма была воспринята средневековым каноническим правом.

Первые английские правовые нормы относительно диффамации датируются 1222 годом. Архиепископ Стивен Лэнгтон, стремившийся привить в Англии каноны Четвертого Латеранского собора и дополнить их в соответствии с локальными практиками, включил в Конституции провинциального совета в Оксфорде пункт об отлучении *ipso facto* любого, кто лживо обвинит в совершении преступления лицо, которое «не пользуется дурной славой среди добрых и влиятельных людей»³⁴. Од-

³³ Dig.47, 9. Ульпиан в 56-й книге «Комментариев к эдикту». Правонарушение (*injuria*) называется так оттого, что творится не по праву; ведь все, что происходит не по праву, называется правонарушением. Это в общем. В частности же правонарушением называют оскорбление. Иногда словом «правонарушение» обозначается противоправный ущерб, как мы обычно говорим согласно Аквиллиеву закону; иногда мы называем правонарушением несправедливость: ведь когда кто-либо вынес приговор несправедливо и противоправно, (это) называется правонарушением потому, что чуждо праву и правосудию, как бы «не право»; а оскорбление (названо) от «оскорблять». 1. Оскорбление же, говорит Лабзон, бывает либо действием, либо словами: действием – когда применяют силу, а словами – когда силу не применяют, но бранят (кого-либо). 2. Любое оскорбление наносится либо телу, либо достоинству, либо причиняет бесчестье: телу оно наносится, когда кого-нибудь ударят; достоинству – когда забирают спутника женщины; репутации же – когда оскорбляют невинность. 3. Также оскорбление (может быть) нанесено кому-либо лично или через других людей.

³⁴ Councils and Synods... Vol. 1. P. 107.

нако для того, чтобы факт диффамации действительно свершился, необходимым условием было, во-первых, то, что ложь была произнесена намеренно, со злым умыслом, а во-вторых, то, что пострадавший действительно пользовался уважением среди членов своей общины на момент свершившегося оскорбления. Наконец, диффамация предполагала намеренно ложное высказывание о преступном или аморальном действии, но не о качествах человека (например, если слова «вор», «прелюбодейка» или «лжец» становились основанием для дела о диффамации, поскольку предполагали совершенные деяния, то слова «вероломный» или «похотливый», а также обычная бытовая ругань – нет, поскольку характеризовали нравственные качества и не обязательно приводили к преступным действиям). Все эти обстоятельства и должен был рассматривать церковный суд местного ординария. Как показал Р. Хельмгольц³⁵, во многих случаях после подачи иска о диффамации дело удавалось уладить компромиссом, предполагавшим публичные извинения и выплату определенной денежной компенсации. Необходимо заметить, что «статут» *Circumspecte agatis* 1268 г. ограничивал спектр наказаний, выносимых английской Церковью по факту диффамации, лишь наказаниями духовными, высшим из которых и было церковное отлучение. На деле виновного приговаривали, как правило, к принесению публичных извинений (в храме или перед собравшейся приходской общиной) и разнообразным покаянным религиозным практикам. Виновного могли подвергнуть телесному наказанию и побуждать к выплате материальной компенсации пострадавшей стороне по собственному усмотрению.

Суды Общего права, как и светские суды вообще, до первой трети XIV в. не оспаривали церковную юрисдикцию в делах о диффамации. Однако с 1327 г. королевские суды начинают требовать от короны издания запрещений в отношении церковных судов в тех случаях, когда человека публично обвиняли в совершении преступления, но вместо того, чтобы расследовать его виновность или невиновность в светском суде (равно как и сам факт преступления), тот, в чей адрес было высказано обвинение, он подавал иск о диффамации в церковный суд, тем самым, возможно, уходя от реального наказания³⁶. На рубеже XV и XVI вв. суды общего права стремились расширить свою юрисдикцию, претендуя в ряде случаев на дела о диффамации. Речь шла о публичных обвинениях в профессиональной некомпетентности, в незаконнорожденности, в заражении венерическими заболеваниями.

³⁵ Helmholtz 1971. P. 255-268.

³⁶ Lowell 1962. P. 1051-1071.

Как уже было сказано выше, церковный суд мог наложить на виновного лишь духовное наказание и восстановить доброе имя невиновного, но в перечисленных выше случаях потерпевший от ложных обвинений нес вполне ощутимый материальный ущерб. Принудить к возмещению этого ущерба могли лишь светские трибуналы. По мере того, как ценность доброй репутации и честного имени внутри замкнутой локальной общины дополнялась необходимостью поддерживать доброе имя и место в профессиональной корпорации, а также материальной выгодой, наступление судов общего права на средневековую церковную юрисдикцию становилось все более ощутимым. По мере того, как в период Реформации и после нее должности в церковных судах начали повсеместно заполняться цивилистами, к конфликту юрисдикций добавился конфликт корпоративный.

Впрочем, увеличение числа цивилистов в церковных судах имело свои преимущества. В то время как доктора-канонисты были более строго ограничены в своих действиях спектром церковного права, цивилисты не только использовали традиционные нормативные документы Церкви, но и вновь обратились к классическим нормам юстиниановского Кодекса. Это, в свою очередь, позволило расширить область диффамации и вернуть для рассмотрения в церковных судах дела о таких оскорблениях, которые к области канонического права по сути не относились.

Реформирование рыцарского суда позволило цивилистам взять существенный реванш в длительной истории «борьбы за диффамацию». Рыцарский суд был светским трибуналом, был укомплектован цивилистами и пользовался королевским покровительством; перенести в него те категории дел, которые прежде становились предметом разногласия между судами канонического и общего права, не составляло труда. Немаловажен был и вопрос престижа: суды общего права разбирали тяжбы равно знати и простолюдинов, однако право подавать иск в Рыцарский суд было зарезервировано исключительно для представителей знати. Именно среди трех низших страт английского дворянства необходимость публичного подтверждения знатного статуса и доброй репутации истинного джентльмена была исключительно высока.

Рыцарский суд просуществовал в неизменном виде до декабря 1640 года, пользуясь завидной популярностью среди знати. С точки зрения профессиональной конкуренции, история реформирования суда констебля и маршала стала одним из самых значительных достижений цивилистов. В отличие от юрисдикции Адмиралтейства, Палаты про-

шений и региональных консилиарных судов, юрисдикцию Рыцарского суда в делах о репутации и чести невозможно было оспаривать; практически бессильным здесь оказывалось и главное оружие вестминстерских судей – предписания о запрещении. Личный вклад и активность Артура Дака и эффективное взаимодействие судей Рыцарского суда с коллегией герольдов, ярко выраженная «корпоративная замкнутость» трибунала на знать – все это определило высокий престиж Суда чести. Для монархии же восстановление Суда чести стало зримым успехом востребованности английским обществом патерналистских по сути идей и механизмов управления, а также образов власти, укорененных в классическом Средневековье и его феодальных ценностях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Паламарчук А.А, Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. – 210 с.
- Alberici Gentilis De Iure Belli Libri Tres / Ed. by Th. E. Holland. Oxonii E. Typographeo Clarendoniano. 1877. – 466 p.
- Carter M. Honor Redivivus, or, the analysis of Honor and Armory. London: at the sign of Blew Anchor. 1673. – 354 p.
- Cases in the Court of Chivalry, 1634-1640 / Ed. by R.P. Cust and A.J. Hopper // Harleian Society, new series. Vol. 18. London, 2006. – 368 p.
- Councils and Synods with other Documents Relating to the English Church, II: AD 1205–1313 / Ed. by F.M. Powicke and C.R. Cheney. In 2 vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1964. – 724 p.
- Cust R. Charles I and the Aristocracy. 1625–1642. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. – 350 p.
- Duck A. De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens. Traduit du Latin. Paris: au Palais. 1689. – 510 p.
- Duck A. De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum. London: Ex officina Elseviorum. 1654. – 533 p.
- Guillim J. A Display of Heraldry. London: printed for William Hall. 1611. – 330 p.
- Hearne Th. A collection of curious discourses written by eminent antiquaries... In 2 vols. Vol.2. London: At Horace's head. 1775. – 465 p.
- Helmhotz R. Canonical Defamation in Medieval England // American Journal of Legal History. Vol. 15. 1971. P. 255-268.
- Keen M. Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages. London: Habbledon Press. 1996. – 275 p.
- Lowell C.R. The Reception of Defamation by the Common Law // Vanderbilt Law Review. Vol. 15. 1962. P. 1051-1071.
- Markham F. The Book of Honor. London: printed for Augustine Matthews 1625. 220 p.
- Milles Th. Nobilitas politica vel Civilis. London: for W. Laggard. 1608.
- Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty. In 2 vols. Vol 1. London: Longman and Co. 1871. – 606 p.
- Noble M. A History of the College of Arms, and Lives of all Kings, heralds and Pursuivants... London: Lincoln's inn fields. 1805. – 549 p.

- Peltonen M. *The Duel in Early Modern England. Civility, Politeness and Honour*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 374 p.
- Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732 // *Harleian Society*, vol. 107. London, 1955. – 155 p.
- Segar W. *The Book of Honor and Armes*. London: for Richard Iones. 1590 – 75 p.
- Selden J. *The Duello or single combat from antique derived into this kingdome of England...* London: printed in Exeter-court. 1610. – 78 p.
- Selden J. *Titles of Honor*. London: by William Stansby. 1614. – 815 p.
- Squibb D.G. *High Court of Chivalry: A Study of the Civil Law in England*. Oxford: Oxford University Press. 1959. – 310 p.
- Stone L. *The Crisis of the Aristocracy 1558-1641*. Oxford: Oxford University Press. 1965. – 841 p.
- Stuart Royal Proclamations / Ed. by J.F. Larkin and P.L. Hughes. In 2 vols. Vol.1. Oxford: Oxford University Press. 1973. – 714 p.
- The Political Works of James I* / Ed. by Ch. McIlwain. Vol.1 Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford. 1918. – 483 p.
- Vernon-Harcourt L.W. *His Grace the steward and trial of peers: a novel inquiry into a special branch of constitutional government founded entirely upon original sources of information, and extensively upon hitherto unprinted materials*. London: Longmans. 1907. – 500 p.

REFERENCES

- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. *Antikvarnyj diskurs v rannestjuartovskoj An-glii*. SPb.: Aletejja, 2013. – 210 s.
- Alberici Gentilis *De Iure Belli Libri Tres* / Ed. by Th. E. Holland. Oxonii E. Typographeo Clarendoniano. 1877. – 466 p.
- Carter M. *Honor Redivivus, or, the analysis of Honor and Armory*. London: at the sign of Blew Anchor. 1673. – 354 p.
- Cases in the Court of Chivalry, 1634-1640* / Ed. by R.P. Cust and A.J. Hopper // *Harleian Society*, new series. Vol. 18. London, 2006. – 368 p.
- Councils and Synods with other Documents Relating to the English Church, II: AD 1205-1313* / Ed. by F.M. Powicke and C.R. Cheney. In 2 vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1964. – 724 p.
- Cust R. *Charles I and the Aristocracy. 1625-1642*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. – 350 p.
- Duck A. *De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens*. Traduit du Latin. Paris: au Palais. 1689. – 510 p.
- Duck A. *De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum*. London: Ex officina Elseviorum. 1654. – 533 p.
- Guillim J. *A Display of Heraldry*. London: printed for William Hall. 1611. – 330 p.
- Hearne Th. *A collection of curious discourses written by eminent antiquaries...* In 2 vols. Vol.2. London: At Horace's head. 1775. – 465 p.
- Helmhotz R. *Canonical Defamation in Medieval England* // *American Journal of Legal History*. Vol. 15. 1971. P. 255-268.
- Keen M. *Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages*. London: Habbledon Press. 1996. – 275 p.
- Lowell C.R. *The Reception of Defamation by the Common Law* // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 15. 1962. P. 1051-1071.

- Markham F. The Book of Honor. London: printed for Augustine Matthews 1625. 220 p.
- Milles Th. Nobilitas politica vel Civilis. London: for W. Laggard. 1608.
- Monumenta Juridica. The Black Book of the Admiralty. In 2 vols. Vol 1. London: Longman and Co. 1871. – 606 p.
- Noble M. A History of the College of Arms, and Lives of all Kings, heralds and Pursuivants... London: Lincoln's inn fields. 1805. – 549 p.
- Peltonen M. The Duel in Early Modern England. Civility, Politeness and Honour. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 374 p.
- Reports of heraldic cases in the Court of Chivalry, 1623-1732 // Harleian Society, vol. 107. London, 1955. – 155 p.
- Segar W. The Book of Honor and Armes. London: for Richard Iones. 1590 – 75 p.
- Selden J. The Duello or single combat from antique derived into this kingdome of England... London: printed in Exeter-court. 1610. – 78 p.
- Selden J. Titles of Honor. London: by William Stansby. 1614. – 815 p.
- Squibb D.G. High Court of Chivalry: A Study of the Civil Law in England. Oxford: Oxford University Press. 1959. – 310 p.
- Stone L. The Crisis of the Aristocracy 1558-1641. Oxford: Oxford University Press. 1965. – 841 p.
- Stuart Royal Proclamations / Ed. by J.F. Larkin and P.L. Hughes. In 2 vols. Vol.1. Oxford: Oxford University Press. 1973. – 714 p.
- The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Vol.1 Cambridge: Harvard University Press; London: Humphrey Milford. 1918. – 483 p.
- Vernon-Harcourt L.W. His Grace the steward and trial of peers: a novel inquiry into a special branch of constitutional government founded entirely upon original sources of information, and extensively upon hitherto unprinted materials. London: Longmans. 1907. – 500 p.

Паламарчук Анастасия Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель СПбГУ; sir.henry.finch@gmail.com

Noble honour, King's Justice: the Court of Chivalry and legal ideas in the Early Stuart England

The article analyses the influence of legal ideas developed by the English civilians on the Court of Chivalry, restored in Early Stuart England. A long discussion on duel issues demonstrated how several aspects of honour and noble service changed and what instruments for the conflict regulation were believed acceptable. The restored Court of Chivalry stressed patriarchal and feudal foundations of royal power. Once again the king manifested himself as a creator and the head of the nobility, who guaranteed its corporate honor and sustained outer boundaries, and who controlled its normative practices.

Keywords: Court of Chivalry, duel, defamation, civil lawyers, civil law, Early Stuart England

Anastasia Palamarchuk, Candidate of History, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University; sir.henry.finch@gmail.com